

ПУНКТУАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

PUNCTUAL DESIGN OF STRUCTURES WITH APPLICATIONS IN THE OSSETIAN LANGUAGE

A. Kudzoeva
Z. Malieva

Summary: The article attempts to improve the section of punctuation rules of the Ossetian language, dedicated to the regulation of the design of constructions with applications. The purpose of the study is to develop clear criteria for separating applications expressed by names in the oblique case, as well as names that have postpositions. The issue of the possibility or impossibility of separating applications located in contact with some clitics is also considered. The paper analyzes syntactic constructions with applications, expressed by names in direct and indirect cases, extracted from the manuscript of the translation into Ossetian of the books of the Old Testament. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time complex cases of separation of applications are analyzed, criteria for their isolation are formulated. As a result, types of structuring of complicated sentences are proposed that do not violate the syntactic norms of the Ossetian language.

Keywords: the Ossetian language, punctuation, isolation of applications, postpositions, enclitic pronouns.

Кудзоева Анжела Федоровна

К.филол.н., доцент, Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ)
kudzoyeva@inbox.ru

Малиева Залина Ноховна

К.филол.н., доцент, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)
zalinamaliti@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка совершенствования раздела пунктуационных правил осетинского языка, посвященного регламентированию оформления конструкций с приложениями. Целью исследования является выработка четких критериев обособления приложений, выраженных именами в косвенном падеже, а также именами, имеющими при себе послелоги. Рассматривается также вопрос возможности или невозможности обособления приложений, расположенных контактно с некоторыми клитиками. В работе проанализированы синтаксические конструкции с приложениями, выраженные именами в прямом и косвенных падежах, извлеченные из рукописи перевода на осетинский язык книг Ветхого Завета. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые анализируются сложные случаи обособления приложений, формулируются критерии их обособления. В результате предлагаются виды структурирования осложненных предложений, не нарушающие синтаксических норм осетинского языка.

Ключевые слова: осетинский язык, пунктуация, обособление приложений, послелоги, энклитические местоимения.

Введение

Наиболее ярко уникальные свойства языковой культуры проявляются в процессе и в результате перевода текста с одного языка на другой. При этом «конфликт» двух национальных языковых картин усугубляется третьей составляющей – языковой личностью переводчика. Считается, что «что специалист по переводу должен выступать как элитарная языковая личность или личность, стремящаяся к элитарному типу речевой культуры» [11, с.70]. Понятие элитарной речевой культуры было введено в научный оборот О.Б. Сиротининой [13]. Качествами, отличающими языковую личность элитарного типа, являются «владение нормами литературного языка, владение этическими и коммуникативными нормами, незатрудненное использование соответствующих ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи, богатство активного и пассивного словарного запаса, отсутствие самоуверенности в своих знаниях и др.» [10]. Однако самая выдающаяся языковая личность самого элитарного речевого типа не может не транслировать посредством своего творчества (в данном случае - перевода текста), во-первых, особенности

идиостиля и, во-вторых, черты национальной картины мира. Понимая это, переводчик всегда стремится соблюсти некий баланс между необходимостью более точной передачи особенностей одной языковой картины мира и выбором языковых средств другой культуры.

Задача перевода Библии во всем мире признается как весьма сложная проблема; вернее, это комплекс проблем: текстологических, исагогических, герменевтических, культурологических, а также лингвистических. Последние связаны с необходимостью изложить текст на языке, который и лексически, и фонетически, и грамматически далек от древних языков, на которых записывались первые тексты Святого Писания, и при этом сохранить его сакральность.

Такие попытки имеют важное практическое значение для языка, на который переводится библейский текст. Во-первых, обогащается его лексика путем ввода новых или актуализации пассивно наличествующих терминов, развивается функциональная стилистика, укрепляет позиции переводоведение. Во-вторых, переводной текст, тем более такой богатейший гипертекст, как никакой

другой, обнажает актуальные проблемы частного языкознания, в нашем случае – осетинского. Так, работа авторов данной статьи с рукописями перевода Ветхого Завета позволила констатировать наличие некоторых пробелов в области осетинской пунктуации. В частности, недостаточно четко и подробно регламентирована пунктуация в предложениях с вводными конструкциями, однородными членами, приложениями, сравнительными и деепричастными оборотами, что приводит к наличию разных вариантов их оформления.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования актуальных правил пунктуации осетинского языка

Объектом исследования осложненные предложения, содержащие обособленные приложения.

Материалом анализа послужили различные синтаксические конструкции с приложениями, выраженными существительными в прямом и косвенных падежах, с послелогоми и без послелогов, методом сплошной выборки извлеченные из рукописи перевода книг Ветхого Завета на осетинский язык, корректорской правкой которых занимался один из авторов данной статьи.

Обособление приложений, выраженных именем в косвенном падеже

Рассмотрим пунктуацию структур с приложениями, отличающихся высокой частотностью в тексте Ветхого Завета. Под приложением понимается особый вид определения, выраженный существительным (в осетинском языке в редких случаях еще и местоимением и неопределенной формой глагола), уточняющее, конкретизирующее определяемое слово [5, с. 135]: *Æмæ нын уæд Дунедарæг стыр фыдæх бавзарын кодта, уымæн æмæ Дунедарæг, нæ Хуыцау, йæ алы хъуыддаджы дæр раст у, мах та йæм нæ хъуыстам (Даниил 9 : 14). 'И тогда Господь навел на нас большое бедствие, потому что Господь, наш Бог, прав во всех Своих делах, а мы не слушались Его'* (здесь и далее обратный перевод авторов статьи). Пунктуационное оформление предложения не вызывает никаких вопросов: определяемое слово *Дунедарæг 'Господь'*, выраженное существительным, и постпозитивное приложение *нæ Хуыцау 'наш Бог'*, выраженное сочетанием местоимения и существительного, согласованы и оформлены именительным падежом и, в соответствии с грамматикой [5, с. 315-316] и правилами осетинской орфографии и пунктуации [12, с.42] приложение *нæ Хуыцау 'наш Бог'* обособлено, то есть выделено с двух сторон запятыми.

Как правило, приложение в осетинском языке имеет ту же падежную форму, что и определяемое слово: *Знаг уæм куы 'рбабырса æмæ йæ ныхмæ куы хæцат уæ зæххыл, уæд-иу фæдисы уаст ныккæнут*

сыкъауадындзтæй, æмæ йæ зæрдыл æрбалæудзыстут Дунедарæгæн, уæ Хуыцауæн, æмæ фервæздзыстут уе знæгтæй (Нымæцтæ 10: 9). 'И когда нападёт на вас враг и будете воевать с ним на вашей земле, то затрубите тревогу трубами, и вспомнит о вас Господь, ваш Бог, и спасётся от ваших врагов' (определяемое слово и приложение в дательном падеже).

Проблемы возникают там, где определяемое слово и приложение имеют постпозитивный общий член предложения. Получается некая сложная структура, где первый компонент служит определяемым словом для второго (приложения) и определением для третьего; второе же является определением - приложением для первого и обычным определением для третьего. Заметим, что Правила пунктуации не содержат ни одного подобного примера [12, с.42-43].

Обратимся к текстам. *Хицау тæригъæды куы бацæуа, Дунедарæджы, йæ Хуыцауы, фæдзæхстытæй искæцыйы сæрты æнæбары куы ахиза, цы не 'мбæлы, ахæм исты куы сараза, куы фæазымджын уа æмæ йæ азым куы сбæрæг уа, уæд нывондæн æрбакæнæд æнæсахъат цæу (Левит 4:22, 23). 'Если согрешит начальник, через какую-то из заповедей Господа, своего Бога, невольно переступит, совершит что-то ненадлежащее, и проступок его станет явным, то пусть приведет в жертву здорового козла'*.

На первый взгляд, в конструкции *Дунедарæджы, йæ Хуыцауы, фæдзæхстытæй 'через заповеди Господа, своего Бога'* (букв. ('через) Господа, своего Бога, заповедей') все верно и семантически, и структурно, и пунктуационно: определяемое слово *Дунедарæджы 'Господа'* и распространенное приложение *йæ Хуыцауы 'своего Бога'* согласованы в числе и падеже, постпозитивное приложение обособлено, за ними следует определяемое слово *фæдзæхстытæй 'заповедей'*, общее для первых двух: *Дунедарæджы фæдзæхстытæй, йæ Хуыцауы фæдзæхстытæй 'Господа заповедей, своего Бога заповедей'*. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается ряд вопросов.

Совершенно закономерно стараясь максимально соблюсти стилистику сакрального текста, переводчик сохраняет структуру отрывка (*заповедей Господа, Бога своего - Дунедарæджы, йæ Хуыцауы, фæдзæхстытæй*), тем самым нарушая ритмику осетинской речи и ставя под сомнение пунктуационное оформление отрывка. Дело в том, что в осетинском языке «с его сложной, но в то же время стройной и выдержанной, синтаксически и семантически обусловленной системой акцентуальных комплексов» [3, с. 560] определение (как правило, препозитивное) и определяемое слово всегда составляют одну ритмическую единицу – так называемый «акцентуальный комплекс». При наличии нескольких однород-

ных определений, не связанных союзами, комплекс образуют последнее определение и определяемое слово. В данном случае акцентуальный комплекс (или тактовая группа, или фонетическое слово) состоит из трех компонентов - двух определений и определяемого слова: *йæ Хуыцауы фæдзæхстытæй* 'своего Бога заповедей', ударение в группе закономерно приходится на второй слог. То есть определяемое слово *фæдзæхстытæй* 'заповедей' не имеет самостоятельного ударения, вследствие чего не может быть отделено пунктуационным знаком, то есть вынесено за пределы тактовой группы. Таким образом, отрывок может быть оформлен следующим образом: *Хицау тæригъæды куы бацæуа, Дунедарæджы, йæ Хуыцауы фæдзæхстытæй искæцыйы сæрты æнæбары куы ахиза... '.* Если согрешит начальник, Господа, своего Бога через какую-то из заповедей неволью переступит...'. но это может привести к искажению смысла, потому что пространственное определение *йæ Хуыцауы* 'своего Бога' может быть воспринято не как приложение, уточняющее, конкретизирующее предыдущее слово, а как один из ряда однородных членов, между которыми можно поставить союз *æмæ* 'и': *Дунедарæджы æмæ йæ Хуыцауы фæдзæхстытæй* ('через) Господа и своего Бога заповедей'. На наш взгляд, этого можно избежать, используя более типичную для осетинского языка конструкцию с так называемым плеонастическим дательным падежом и выведя постпозитивное определяемое слово за пределы тактовой группы: *Дунедарæгæн, йæ Хуыцауæн, Йæ фæдзæхстытæй искæцыйы сæрты æнæбары куы ахиза...букв. 'Господа, своего Бога, (через) Его заповедей какую-нибудь если неволью переступит...'*

Таким же образом можно снять конфликт между семантикой и ритмикой, с одной стороны, и пунктуацией, с другой стороны, в следующем отрывке: *Къуыриты бæрæгбонны райдианæй авд къуырийы анымай æмæ, Дунедарæджы, дæ Хуыцауы, арфæйæ дæ къухы цы ис, уымæй скæн Къуыриты бæрæгбон æмæ ссар Дунедарæджы, дæ Хуыцауы, ном* (Фæлхатгонд æгъдау 16:9, 10, 11). 'С начала праздника Седмиц отсчитай семь недель и из того, что у тебя есть по благословению Господа, твоего Бога, соверши праздник Седмиц и вспомни Господа, твоего Бога, имя'. Читатель не будет спотыкаться, пытаясь сделать невозможную паузу перед определяемыми словами *арфæйæ* 'по благословению' и *ном* 'имя', и при этом приложение *дæ Хуыцауы* 'твоего Бога' будет должным образом акцентировано, если приложение и определяемое слово будут «разведены» по разным тактовым группам: *Дунедарæгæн, дæ Хуыцауæн, Йæ арфæйæ дæ къухы цы ис.* Букв. '(по) Господа, твоего Бога, Его благословению'; ссар *Дунедарæгæн, дæ Хуыцауæн, Йæ ном* букв. 'вспомни Господа, твоего Бога, Его имя'.

Обособление приложений с послелогом

Еще острее стоит проблема пунктуационного

оформления приложения, если в формообразовании определяемого слова и приложения участвует послелог. Например: *Уæ нæлгоймæгтæ се 'ппæт дæр афæдз æртæ хатты хъуамæ æрлæууой Дунедарæджы, уæ Хуыцауы, раз, Йæ номыл цы бынат равзара, уым: Донгонд дзулты, Къуыриты æмæ Халагъудты бæрæгбæтты. Афтидармæй мачи æрбацæуæд!* (Фæлхатгонд æгъдау 16:16,17) 'Все ваши мужчины три раза в году должны предстать перед Господом, вашим Богом, в том месте, которое Он выберет: в праздники Опресноков, Седмиц и Кущей. Никто не должен явиться с пустыми руками!'. Ни одна из доступных нам работ по грамматике осетинского языка не регламентирует употребление послелогов в конструкциях с приложениями. Однако невозможность постановки запятой между приложением *уæ Хуыцауы* 'вашего Бога' и послелогом *раз* 'перед' абсолютно прозрачна. И основным аргументом служит не то, что управляемое знаменательное слово и послелог также составляют одну интонационную единицу, тактовую группу (*Хуыцауы раз* 'перед Богом'; *уæ Хуыцауы раз* 'перед вашим Богом'), а то, что функционально послелог – это аффикс, оформляющий словоформу, то есть выполняет те же задачи, что и флексия. В данном случае функции послелого можно приравнять к функциям групповой флексии (о явлении групповой флексии в осетинском языке см. [1, с.159; 4; 6; 7; 9]). Однако групповая флексия возможна только для однородных членов предложения, когда компоненты ряда рассматриваются как нечто единое. Точно так же один послелог может оформлять ряд однородных членов: «Послелог может опускаться тогда, когда они относятся в одинаковой мере ко всем однородным членам предложения одновременно, вместе. Но если послелог относится к каждому однородному члену в отдельности, что бывает при подчеркивании каждого однородного члена или неодновременности их, то он не может опускаться» [5, с. 293]. Учитывая то, что смысл обособления приложения заключается именно в его «подчеркивании», становится понятной невозможность опущения послелого при определяемом слове. Однако повторение послелого во фразе *хъуамæ æрлæууой Дунедарæджы раз, уæ Хуыцауы раз* 'должны предстать перед Господом, перед вашим Богом' не исправляет ситуацию, так как вместо приложения мы получаем перечисление однородных членов предложения. Послелог можно было бы опустить при условии присоединения приложения к определяемому слову при помощи союза *ома* 'то есть': *хъуамæ æрлæууой Дунедарæджы, ома уæ Хуыцауы раз* 'должны предстать перед Господом, то есть перед вашим Богом', однако это приводит к стилистическим и семантическим изменениям: *Хуыцау* 'Бог' становится простым толкованием предшествующего слова, утрачивается эффект градуальности.

Все эти погрешности снимаются, на наш взгляд,

таким же образом, как и в случае с постпозитивным определяемым словом, то есть распределив приложение и последующее слово по разным тактовым группам: *хъуамæ æрлæууой Дунедарæггæн, уæ Хуыцауæн, йæ разы* букв. 'должны предстать Господом, вашим Богом, перед ним'. В этом случае послелог переходит в разряд знаменательных слов. Такая омонимия типична для осетинского языка: «Комплекс этого типа (то есть послелог с управляемым словом – авт.) можно свести исторически к предшествующему — определение с определяемым. В самом деле, если возьмем такой пример, как *тæсугу (сæртæ*, то его можно трактовать и как атрибутивную и как послеложную конструкцию. В первом случае мы будем рассматривать *тæсугу* как определение к *сæртæ*, выраженное род. падежом от *тæсуг* 'башня', а *сæртæ* — как направ. падеж от *сæг* 'голова, верхушка', и переведем: «на верхушку башни» (на чью верхушку?). Во втором случае мы можем рассматривать *сæртæ* как послелог 'на', «управляющий» род. падежом, и переводить просто: «на башню». Почти все осетинские послелогии могут быть исторически сведены к именам, технизовавшимся в функции послелогов» [3, с. 544].

Однако подобная трансформация возможна не со всеми послелогиями. Ее легко допускают послелогии с пространственным значением (*раз* 'перед', *фæстæ* 'за', *фарсмæ* 'рядом' и др.: *Афæдз æртæ хатты уæ нæлгоймæгтæ иууылдæр хъуамæ æрлæууой Бардарæг Дунедарæджы, Израилы Хуыцауы, раз* (Рацыд 34: 23). 'Три раза в году все ваши мужчины должны предстать перед Господом, Богом Израиля': *хъуамæ æрлæууой Бардарæг Дунедарæггæн, Израилы Хуыцауæн, йæ разы*. Букв. 'должны предстать Господом, Богом Израиля, перед Ним'), но не допускают, к примеру, послелогии со значением причины, уподобления: *Кæм и Дунедарæджы, нæ Хуыцауы хуызæн?* (Псаломтæ 112: 5) 'Где есть Господу, нашему Богу подобный?'. На наш взгляд, единственно возможным способом пунктуационного оформления таких конструкций является выделение запятыми сочетания «приложение + послелог».

Обособление приложений в конструкциях с постпозитивными энклитическими местоимениями

Еще одна проблема обособления приложения связана с наличием в предложении энклитического местоимения, контактно расположенного с приложением. Рассмотрим примеры. «*Дунедарæджы цагъар Моисей уын афтæ куы дзырдта, Дунедарæг, уæ Хуыцау уын æнцой æрхаста, ацы зæхх уын радта, зæгъгæ, уæд уын цы бафæдзæхста, уый уæ зæрдыл æрлæууын кæнут* (Нуны фырт Йешуайы чиныг 1: 13). 'Господа раб Моисей когда говорил вам, что Господь, ваш Бог, успокоил вас,

дал вам эту землю, вспомните это'. Энклитическое местоимение *уын* 'вам' не может быть отделено запятой от распространенного приложения *уæ Хуыцау* 'ваш Бог', с которым входит в одну тактовую группу (то есть просодически это одна единица). Однако отсутствие запятой в данном случае приводит к тому, что определяемое слово *Дунедарæг* 'Господь' воспринимается как обращение. Такая же картина и в следующем примере: *Фæсте нæ расурдзысты, æмæ сæ афтæмæй сахарæй æддæмæ расайдзыстæм: афтæ банхæлдзысты, ногæй та фæлидзæг сты, зæгъгæ, æмæ-иу уæд сымах уе 'мбæхсæн бынатæй рахизут æмæ сахармæ бабырсут — Дунедарæг, уæ Хуыцау уын æй уæ къухтæм ратдзæн* (Нуны фырт Йешуайы чиныг 8: 6, 7) 'Они погонятся за нами, и таким образом мы выманим их из города: они подумают, что мы опять убегаем, и тогда вы выходите из засады и нападите на город – Господь, ваш Бог, отдаст его в ваши руки': букв. 'Господь, ваш Бог отдаст его в в ваши руки'.

В подобных случаях необходимо учитывать «синтаксическую природу» клитики: «Энклитические местоименные объекты и вообще энклитики <...> следуют, по нормам осетинского синтаксиса, непосредственно за п е р ы м словом (или комплексом) в предложении, хотя бы это слово не было ни предикатом, ни субъектом, а было второстепенным членом предложения» [3, с.533]. В осетинском языке действует так называемый закон Ваккернагеля, то есть «механизм, помещающий клитики в позицию после первого фонетического слова или первой группы клаузы» [14, с.74]. Под первой синтаксической составляющей понимается не только синтаксическая позиция (или группа) в абсолютном начале предложения, а также составляющая, отделенная от абсолютного начала ритмико-синтаксическим барьером [8]. Постановка клитики в должную позицию после первой синтаксической составляющей – в данном случае после определяемого слова и перед обособленным приложением - снимает все трудности: *Дунедарæг уын æй, уæ Хуыцау, уæ къухтæм ратдзæн*. Букв. 'Господь его вам, ваш Бог, в руки отдаст'.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, приходим к следующим выводам:

1. перевод библейского текста, гипертекста с его огромным жанровым и структурным разнообразием акцентирует внимание на наиболее актуальных проблемах осетинского языкознания;
2. остро стоит вопрос доработки правил осетинской пунктуации;
3. решение проблемы пунктуации невозможно без актуализации исследования различных аспектов грамматики осетинского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
2. Абаев В.И. Древнеосетинская зеленчукская надпись // Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 260- 270.
3. Абаев В.И. Ритмика осетинской речи // Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 529-560.
4. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Часть 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. 487 с.
5. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Часть 2. Орджоникидзе: Ир, 1982. 495 с.
6. Беляев О.И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. № 6. 2014. С. 31- 65.
7. Гуриев Т.А. О пределах использования групповой флексии (предварительные замечания) // Известия СОИГСИ № 1 (40). 2007. С. 107- 114.
8. Кудзоева А.Ф. О «барьерах» осетинской пунктуации и необходимости их преодоления // Тенденции развития науки и образования. №79, ноябрь 2021 (часть 5). С. 66-73.
9. Кулаев Н.Х. О групповой флексии в осетинском языке // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977. С. 177 – 183.
10. Кушникова Л.В., М.С. Силантьева М.С.; 2011 Кушникова Л.В. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л.В. Кушникова, М.С. Силантьева // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 6 (12). С. 71–75.
11. Литвинова Г.М. Родной язык как основа формирования языковой личности переводчика. С.70-80.
12. Орфографические и пунктуационные правила осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2004. 80 с.
13. Сиротинина О.Б.; 2001 Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 16-28.
14. Циммерлинг А.В. Клитики и информационная структура высказывания в древнечешском языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2015. № 1. С. 74-95.

© Кудзоева Анжела Федоровна (kudzoyeva@inbox.ru), Малиева Залина Ноховна (zalinamali@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Осетинский государственный университет им. КЛ. Хетагурова